

ПЕРЕПИСКА В. И. ИВАНОВА И Л. Я. ГАНЧИКОВА

Стефано Гардзонио

Среди представителей первой волны русской эмиграции в Италии особую роль играли историки и философы. Некоторые из них, например, Владимир Забугин, Евгений Ананьин и Николай Оттокар оставили глубокий след в развитии итальянской научной мысли, последний даже создал собственную школу медиевистики при флорентийском университете. Интересно отметить, что все они были связаны с Петербургским университетом. Оттокар, как и Лев Карсавин, Николай Анциферов и др., сформировался как ученый в школе медиевиста и историка итальянского города Ивана Михайловича Гревса. О важности учения Гревса, о его концепции историко-культурного облика города и его «экскурсионном методе» немало писалось, хотя до сих пор не существует комплексной трактовки вопроса.

Среди учеников Гревса числится и другой представитель русской диаспоры в Италии, о котором до сих пор, увы, написано немного. Имеется в виду Леонид Яковлевич Ганчиков (Тверь, 1893 - Флоренция, 1968),¹ философ и критик, который преподавал историю философии в итальянских лицеях и русскую литературу в Пизанском университете. Автор многочисленных статей о русской философской и религиозной мысли, о русских писателях (например, о Пушкине, Гоголе и Гончарове), он подвел своеобразный итог своей исследовательской деятельности, написав книгу о русской духовной культуре «Orientamenti dello spirito russo» (Torino 1958).

Что касается собственно научного и литературного наследия Л.Я. Ганчикова, пока опубликована и вообще описана лишь малая часть материалов. Безусловно, значительный интерес носит его переписка с Вячеславом Ивановым, которая состоит из крупного корпуса писем Ганчикова великому поэту и мыслителю, и трех писем Иванова, обращенных к Ганчикову. В письмах затрагиваются прежде всего личные и биографические темы, в частности, речь идет о поддержке и помощи со стороны Иванова в устройстве Ганчикова на работу в итальянские учебные заведения. Но вместе с тем, в письмах поднимаются и различные историко-философские и культурные темы, связанные с судьбой России, обсуждаются детали дружеского общения Ганчикова с В.И. Ивановым, с членами его семьи, с Ольгой Александровной Шор (здесь приводится и текст письма О.А. Шор Л.Я. Ганчикову).

¹ О нем посмотри: *Gančikov A. Ricordo di Leonida Gančikov // Europa Orientalis 1998. № 2. С. 255-260; Ганчикова А.Л. Леонид Ганчиков – исследователь и распространитель философии Вл. Соловьева в Италии в первой половине XX века // В. Соловьев и культура Серебряного века. Москва 2005. С. 402-406.*

Среди прочих документов, в архиве В.И. Иванова хранится краткая автобиография Л.Я. Ганчикова, написанная на итальянском языке; опираясь на этот текст, можно проследить разные этапы его жизни (в существующей литературе сведений недостаточно и здесь кое-что приведено впервые).

Леонид Яковлевич Ганчиков родился в Твери в 1893 г. и учился в гимназии Варшавского района Праги. В 1914 г. он поступил на Историко-филологический факультет Императорского петроградского университета. Здесь на первом курсе он участвовал в литературных семинарах проф. С.А. Венгерова и А.К. Бороздина, на втором курсе слушал курсы проф. И.М. Гревса и Л.П. Карсавина. В 1916 г. он был зачислен в армию и в октябре того же года дослужился до офицерского чина. До ноября 1917 г. он воевал на западном фронте. После ранения вернулся в Петербург для выздоровления. После октябрьской революции он жил в Петрограде, чтобы продолжить учебу.

В рукописной автобиографии 1935 г.² Л.Я. Ганчиков пишет, что в августе 1918 г. он вступил добровольцем в Белую армию на юге России, где пробыл в качестве артиллериста до ноября 1920 г. На самом деле, как вспоминает его дочь, Анна Леонидовна, Ганчиков не был добровольцем; оказавшись с семьей в Чечне, он был вынужден, вместе с братом Евграфом, вступить в Добровольческую армию.³ Затем, покинув Крым с армией генерала П.Н. Врангеля, он оказался в Галлиполи, где и провел восемнадцать месяцев. Именно здесь Ганчиков, в трудные дни разочарования и ссылки, почувствовал потребность в изучении истории мысли и стал читать курсы по философии, организованные при штабе.

В 1922 г. молодой ученый оказался в Константинополе и годом позже уже в Париже. Там он старался возобновить учебу, но из-за материальных условий (он работал и грузчиком в Ле-Але) не смог осуществить свой план. Решительным шагом был полученный в 1924 г. от Ватикана грант, чтобы учиться на философском факультете Миланского католического университета. В 1927 г. Ганчиков заканчивает курс, защищая диссертацию по теме «Основные принципы философии Владимира Соловьева». Именно философия Вл. Соловьева стала главной темой его дальнейших исследований.

По окончании университета Ганчиков начал преподавать философию и политическую экономику в разных миланских лицеях, и в 1929 г. он получил абилитацию. В 1931 г. Ганчиков получил итальянское гражданство и скоро ему пришлось вступить в Национальную фашистскую партию, чтобы работать в итальянских лицеях и рассеять от себя подозрения в нелояльности. Несмотря на это и в дальнейшем он остался подозреваемым лицом для фашистских властей. В 1933 г. он выиграл конкурс на место профессора философии в Королевском лицее г. Тольмино (Фриули), откуда был переведен в г. Сондрио (Ломбардия) и, окончательно, в Орвието. С 1934 г. он стал преподавать русский язык в Римском университете. Именно там и получил ученый степень *libera docenza*. Уже после Второй мировой войны, в 1948 г., Ганчиков получил место профессора русского языка и литературы в Пизанском

² Хранится в Римском архиве В.И. Иванова (Оп. 5. К 02. П 11. Ф. 42-44). Документ, написанный в официальной форме, относится к трудным годам, когда русскому эмигранту было необходимо определиться в фашистской Италии.

³ См. рукописное издание: *Gančikov A. Storie e ricordi*. Milano 2013. P. 12.

университете (тогда он бросил работу в лицее, но продолжал преподавать русский язык в Римском институте Ближнего и Дальнего Востока).

Переписка Иванов-Ганчиков относится к 1928-1932 гг. и отражает, помимо прочего, различные этапы биографии Ганчикова, его профессиональные и рабочие интересы, а также, стремление включиться в культурную жизнь Италии. Три письма Иванова содержат любопытные моменты, связанные с культурно-философскими дебатами того времени.

В данной публикации приводятся тексты писем Л.Я. Ганчикова В.И. Иванову, хранящихся в римском архиве В.И. Иванова (Оп 5.К 02.П. 11.Ф. 1-41), и писем В.И. Иванова Л.Я. Ганчикову, хранящихся в архиве А.Л. Ганчиковой. В приложении опубликовано письмо Л.Я. Ганчикова писателю Джованни Папини в случае смерти В.И. Иванова. Письмо хранится в Archivio Papini. Fondazione Primo Conti. Centro di documentazione e ricerche sulle avanguardie storiche. Fiesole.

Леонид Яковлевич Ганчиков. 50-е – 60-е гг.

ПИСЬМА Л. Я. ГАНЧИКОВА К В. И. ИВАНОВУ

1.

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

С временной, с большим трудом завоеванной, позицией примирения и успокоения, я перешел снова в состояние борьбы и всем тем, что охватывает меня неразрывным темным кругом изолированности и тоски.

Сдвигом на эту борьбу послужило для меня наше знакомство, самый факт которого не может не восприниматься как какой-то новый «знак», как что-то реальное и решающее, что вошло и любовью, и вниманием разорвало на момент темноту моей безысходной тоски и моего уединенного страдания.

У меня совсем мало сил, моя душа устала и почти обезоружена перед исключительной мощью той космической отъединенности, которая залегла вокруг меня – борьба с этим теперь начинается снова, я не отказываюсь от борьбы, хотя исход ее обещает может быть совсем не освобождение, а новую и по-новому острую боль, неизведанные до сих пор страдания. «Знак» определился и нельзя его замолчать, откинуть, позабыть. Кто знает, если бы Вы смогли на одну минуту заглянуть в мою душу и понять до конца все страдания, ее наполняющие и всю боль этих последних полутора лет, рискнули бы Вы говорить с такой четкостью, ставить вопросы с такой заостренностью?

Я снова вступаю в борьбу, снова начинаю *по-новому* молиться и думаю о Вас с той глубокой благодарностью, которая доступна лишь тому, кто много, много страдал. Мысль о Вас светла, воспоминание обо всем сказанном Вами ярко и яркость эта не затмевается от массы неприятных и безрезультатных хлопот и дел этих дней.

Если бы Вы, Вячеслав Иванович, в эти первые дни новой борьбы моей захотели и смогли один, только один, маленький момент в ваших молитвах посвятить мысли о моем смятении и о моей тоске, моя благодарность была бы безгранична.

Преданный и глубоко уважающий Вас Л. Ганчиков

2.

28 января 1928 г.

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Приезд сюда Ольги Александровны¹ придал моей постоянной мысли о Вас новую актуальность. Нужно, чтобы у Вас нашлось достаточно силы и терпения не совсем забыть обо мне, несмотря на всю мою настоящую неорганизованность в работе и страсть, о которой Вам уже наверное рассказывала Ольга Ал[ександровна]. В периоды страсти и безразличия человек особенно нуждается в памяти и мысли светлых христиан, а я именно и переживаю один из таких периодов, может быть как реакцию борьбы с моим горем, начатой и ведомой с недостаточными силами, может быть как новый знак ненужности этой борьбы, ее безнадежности.

Живу в страшной разбросанности – много начато, много задумано и все остается неорганизовано, неокончено.

Из всего, что делаю, лучше всего удается и удовлетворяет преподавание. Не знаю как это случилось, но удается без специальных усилий не только четко и понятно излагать, но и (правда не всегда) заставлять почувствовать единство и цельность человек[еской] мысли, если она понята и воспринята в оценке христианского мировоззрения. Иногда даже сомневаюсь в законности моего христ[ианского] настроения в преподавании – как бы не опорочить светлость истины Христовой мне, еще так недавно чувствовавшему всю остроту боли проклятия?

Остальное в моей работе идет очень вяло и главное серо – ничто не окончено, потому что ничто не удовлетворяет. Вл[адимир] Соловьев остается пока неразработанным в степени, которая могла бы быть признанной годной к печати. Его гносеологию хочу еще углубить: она должна мне послужить переходом к моему построению, которое, по причинам внешнего характера, должно начаться теперь уже маленькой, но строго построенной работой о реальном синтезе или о реально-синтетическом суждении. Я не оставляю ни на одну минуту мысли об необходимости осветить по-новому возможности реалистического мировоззрения – но, и это естественно, встречаю такие драматические и логические затруднения, которые порой кажутся абсолютно неразрешимыми моими скромными силами.

Я очень рад, что Дима² себя чувствует много лучше; я уверен, глубоко и искренно, что его здоровье теперь уже окончательно окрепнет. – Мне жаль, что ничего не удалось сказать Ольге Ал[ександровне], но не сомневайтесь в моей чистосердечности, дорогой Вяч[еслав] Ив[анович]: я по настоящему и много молился о Диме, чтобы по крайней мере этим заслужить и оправдать Ваше внимание ко мне в моем горе.

Ольга Александровна была здесь «очень занята» и по вечерам всегда устала; не захотела остаться еще на день – моя «страсть» видимо и оттолкнула – и мне было очень неприятно, что не удалось сделать ничего для большей яркости ее миланских дней.

Не сердитесь на меня за нескладность этого письма – подумайте о моем «искушении» и о тоске моей настоящей страсти, подумайте о реальности моей и прежней и настоящей боли – она ужасна, человеческая боль: открывает истомившемуся ею все новые глубины, отнимая вместе с тем все новые силы, необходимые для достижения первых (в этом неизбежность постоянного нарастания страдания?).

Преданный и обязанный Вам Л. Ганчиков

Via S. Eufemia, 2 - Milano

¹ Ольга Александровна Шор (1894-1978).

² Д. В. Иванов (1912-2003), сын поэта.

3.

25/II [1928]

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

спасибо Вам за письмо¹ и за рекомендацию don Riboldi.² Я с ним познакомился и надеюсь, что, как только его хлопоты по устройству здесь, в Милане, окончатся, мы углубим это наше первое знакомство. Он и мне показал-

ся человеком большой и тонкой души, но основную проблему философии он, видимо, не совсем чувствует – все его мировоззрение слишком теологично и исторично. История, говорит он, открывает мне факт реальности Бож[ественного] Провидения и от этого факта, от этой, исторически открывшейся, реальности, хочет он отправляться в построение системы. Конечно, это невозможно для философа. Я надеюсь многое получить от don Riboldi и главным образом хочу получше поговорить с ним о благодати и о ее тайне. Я думаю, что в этом вопросе я найду у него новые и оригинальные мысли – и это будет хорошо для меня. Что случилось с Ольгой Александровной – ничего не хочет мне написать? Она слишком добра, чтобы рассердиться. Да, пожалуй, и не за что.

Скажите Ольге Александровне, что я и без писем буду сохранять о ней всегда самые светлые воспоминания и чистые мысли. Я думаю о Вас, глубокоуважаемый Вячеслав Иванович, и мне в практическом отношении неудавшаяся поездка в Рим получает исключительное значение и ценность, кажется, только благодаря Вашей доброте и Вашей любви. Моя работа и теоретическая, и над Соловьевым, несколько приостановилась – но надеюсь, что на этой или в крайнем случае на будущей неделе снова смогу начать заниматься не отрываясь.

Искренно Вас уважающий

Л. Ганчиков

¹ К сожалению, ранние письма В. И. Иванова к Л. Я. Ганчикову не разысканы.

² Дон Леопольдо Рибольди (1885-1966), ректор Коллегии Борромео в Павии.

4.

Милан, 15 мая [1928]

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Вы представить себе не можете как мне было горестно не увидеть Вас. Я вернулся домой 15-ю минутами позже Вас и сперва подумал пойти сразу же к don Riboldi, но опасение как либо вас затруднить меня остановило. Вчера бы у don Riboldi и от него узнал, что напрасно не последовал первому движению, то наверное мог бы еще вас застать в S. Fedele.

Мне очень хотелось бы с вами увидеться до вашего отъезда в Рим, т[ак] к[ак] этим летом мне едва ли удастся быть там.

Don Riboldi говорит, что Вы думаете еще раз побывать в Милане, когда поедете к Диме – базируясь на этом я хочу просить Вас не отказать мне в любезности таким образом рассчитать Ваше время, чтобы и на мою долю осталось несколько часов и телеграфировать мне, когда будете в Милане.

Трамв[ай] № 2 доставляет прямо от станции на piazza S. Eufemia, от которой и идет улица S. Eufemia – мой адрес 2, via S. Eufemia.

В лице я занят по утрам (до 12-2 ч.) по понедельникам, вторникам, средам и пятницам – остальное время в моем (и, следовательно, в Вашем) распоряжении.

Хочу познакомиться с Лидией Вячеславовной, когда она поедет через Милан – инициативу этого знакомства взял на себя д[он] Рибольди.

На нашу с вами встречу очень надеюсь и буду Вам очень благодарен.

В ожидании Вашего ответа
Искренно преданный Л. Ганчиков
Из Болоньи получил открытку от Ольги Ал[ександровны], которая обещала подробно написать из Рима.

5.

Милан, 6 июля 1928 г.

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,
с самого Вашего отъезда из Милана собираюсь написать Вам, но к сожалению разнообразные дела отвлекли меня от основной темы письма – ответа на Ваши мысли о православии и на ваше его определение, как христианства «против-римской» – нельзя не ответить на это (и я разошелся здесь с don Riboldi, который даже протестантство готов принять как восполнение земной неполноты церкви исторической) – для меня Ваше определение сущности православия и очень серьезно, ибо действительно исторически во многом оправдано, и решительно неприемлемо, ибо нельзя уже согласиться со сведением сущности Церкви Христовой к одному отрицательному (и, следовательно, не любовному, не христианскому) противоположению себя другой церкви-сестры. Согласиться с этим значило бы отказаться от самих себя, как от Церкви Христовой, на бесконечной Любви утвержденной, и бесконечно Любовь утверждающий; значило бы утвердить себя отрицательно, т.е. метафизически говоря признать свою собственную «недостаточность»; значило бы, наконец, отрицать возможность святости Церкви, ибо святость и жертвенность отъединенного и отторжимого, да еще и утверждающего, и сознающего себя таковым, не может быть не настоящей святостью, не настоящей жертвенностью, и будучи всегда и непременно гордостью и надрывом.

И если исторически ваше определение имеет основания, то ведь эта исторически повторяющаяся греховность не может и не должна быть рассматриваема как все, как окончательные в Русской церкви, как какое-то антихристианское самоутверждение части, органической части, Тела Христова, Церкви Христовой. Это только грех и он должен быть осознан как таковой и, осознанный, преодолен. Как и в каком смысле может быть осуществлено это сопрееодоление – вопрос не только важный для Церкви и ее историч[еского] единства, но и один из самых насущных вопросов единичной совести каждого православного – вот почему ответ на него должен быть найден, наша с вами беседа не может быть замолчана – она должна быть окончена, как – я еще не знаю, но очень надеюсь найти удовлетворительный ответ в той метафизической концепции реальности, о которой пока лишь мечтаю (плохое слово!), и для которой прошу сил у Господа.

Не сердитесь на длинное вступление к будущему (и не данному) ответу – кто знает, быть может попытаюсь его дать в ближайшем времени. Я пользуюсь этим письмом только для вступления просто потому что нужно послать его сегодня уже, а продолжить его нет времени.

– Я был у don Riboldi и он мне сказал о возможном проезде через Милан Лидии Вяч[еславовны].¹ Я был бы очень обязан ей, если бы она захотела рассчитать свое время таким образом, чтобы и на мою долю пришлось несколько часов: есть несколько вопросов, о которых я бы хотел с ней погово-

речь. В Милане я до 15-го числа. В Риме если ничего не случится, чтобы потребовало моего присутствия дальше, буду в конце августа или в начале сентября.

Ольге Александровне мои сердечные приветы.

Обязанный и глубоко Вас уважающий Л. Ганчиков

¹ Л. В. Иванова (1896 -1985), дочь поэта. Музыкант, композитор.

5.

Ferriere 26-VIII

Дорогой Вячеслав Иванович,

Получил вчера Ваше письмо и спешу поблагодарить Вас за Вашу, столь мало мною заслуженную, доброту. Я и сам несколько раскаялся, что не подумал раньше устроиться, как либо иначе, чтобы иметь возможность провести в Assunta¹ побольше времени. Жаль было уезжать от Вас – грустно было в неприветливо-душном Милане, а здесь к тому же заболел и должен был провести в постели 2-3 дня, что совсем уже невесело. Теперь чувствую себя лучше и начал уже работать.

Относительно Вашего участия в комиссии – я полагаю, что вам беспокоиться не стоит, ибо, во 1-х, Вы, хотя, и первый по порядку, но только «surplente», т. е. Вас вызовут лишь в случае отсутствия кого либо из членов «effettivi», и во 2-х, не думаю, что это могло бы произойти раньше нов[ого] года; обыкновенно экзамены на «lib[era] doc[enza]» производятся по вторым (вес[енним]) семестрам учебного года.

Не могу вам сказать точно, в чем заключается экзамен; по философии для получения lib[era] doc[enza] нужно представить печатные и другие «titoli» и труды, а комиссия по обсуждению этих трудов приглашает достойных на нек[оторого] рода общий «colloquium» (что обычно является уже формальностью), после которого и дается lib[era] doc[enza]. Как дело обстоит с русск[ой] литер[атурой] не знаю – думаю, что если бы Вас пригласили, Вы бы всегда успели справиться у того же Lo Gatto,² постоянного члена такого рода комиссии.

Относительно же меня, лично, то я скорее пошутил, говоря что и я собираюсь просить о lib[era] doc[enza] по русск[ой] лит[ературе]. Но в конце концов, если бы Вас (как это, кажется, бывает) в будущем году включили в число действительных членов, и если бы мне удалось напечатать 2-3 статьи по вопросам русск[ой] литературы, культуры или истории русск[ой] мысли, то можно было бы (конечно, при условии невозможности исключить lib[era] doc[enza] из философии) – рискнуть.

Относительно Кюфферле³ не знаю ничего – полагаю однако, что его труды чисто литературные и его статьи чисто журнального характера могут быть недостаточны для lib[era] doc[enza], ибо требуется, видимо, «научность».

Лучшие приветы дорогой Лид[ии] Вяч[еславовне], Диме и все самое глубокое уважение Вам от искренно Вашего Л. Ганчикова.

¹ Имеется в виду горная местность Maria Assunta sul Ronco, недалеко от Больцано в Южном Тироле.

² Этторе Ло Гатто (1890-1983), критик, литературовед, один из основоположников итальянской славистики.

³ Ринальдо Кюфферле (1903-1955), поэт, переводчик русского происхождения.

7.

17 - XII [1928]

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

уже давно собираюсь рассказать Вам, что на душе у меня много легче, не по прежнему сумрачно и, если не совсем светло, то темнота небезнадежна.

Я не знаю встреча ли с Вами, мысль ли Ваша, что я лишь «искушаем», а не окончательно, небезнадежно отвергнут, или быть может, что-либо иное, но идея эта, об «искушаемости» четко, как то неожиданно приобрела силу и теперь в течение этих месяцев (скорее в течение послед[него] месяца) выросла и окрепла – борьба кажется возможной, нужной, порою надежда на победу представляется чем-то реальным.

Пишу вам после 2-х дневного визита одного моего молодого друга, кат[олического] священника отправляющегося в Африку. Беседа с ним была уже не совсем безнадежной, его наставления в вере, в крепости, в надежде звучали и воспринимались как что-то живое. Я думал о Вас все два дня непрерывно. Вы бы говорили, конечно, иначе; может быть были бы ближе; сумели бы глубже вскрыть и беспощадно обнажить ложность и призрачность охватившей меня боли. Но он мне был послан – совершенно неожиданно далеким и почти незнакомым мне начальником – в этом был свой «знак» (сказала бы Ольга Ал[ександровна]). Но я думал о вас непрерывно.

Благодаря любезности и вниманию дон Рибольди я имел возможность следить за болезнью Димы – я уверен, что он поправится. Я молюсь об этом, ибо вы сами разрешили мне молиться, ибо Вы сами сказали мне о всей неправде моей отверженности. Конечно, что значит моя молитва? – Но она чиста и искренна, она мне любимая молитва, ибо повторяя ее и думая о ней – я молюсь о Вас и о Диме, я думаю о Вас.

Не сердитесь за это – в этом для меня знак и надежда на возможность уйти из темноты. А Вы и не знаете как мне нужен свет, как мне хочется любви, как мне необходим мир – что смогу сделать я, бедный и ненадежный философ (!), без света и любви?

Не браните меня за это.

Окружающие меня люди настаивают на необходимости посвятить 3-4 месяца и держать экзамен d'abilitazione – в этом есть своя правда, так только в случае d'abilitazione я в будущем учеб[ном] году смогу устроиться более или менее прочно (может быть в известной степени удастся этим ликвидировать необходимость просить об итальян[ском] подданстве, что по понятным причинам мне не хватает).

Но экзамен этот очень и очень неприятен, к тому же очень трудно его будет выдержать, так и итальянцы наполовину не проходят через него удачно. В связи с этим экзаменом и другими делами практич[еского] характера занятия мои остановились и едва ли смогу приняться за Соловьева и за логику раньше апреля. Это очень грустно, но поделаться ничего нельзя. Неудобно не следовать указаниями А. Gemelli,¹ которому я так обязан.

В последней книжке «Совр[еменных] записок» есть статья Шестова о «Религ[иозной] философии Вл. Соловьева»,² если Вы ее читали, не откажитесь в Вашем суждении. Я ожидаю ее на днях, без особого любопытства, т[ак] к[ак] не очень трудно себе представить как Шестов мог интерпретировать и воспринять Вл. Соловьева – достаточно вспомнить об его «Паскале».³

Вячеслав Иванович, почему бы Вам не приехать в Милан – было бы очень хорошо увидеть Вас здесь. О возможностях практ[ического] свойства Вам совсем не нужно будет думать.

Глубоко Вам преданный и искренно Вас уважающий Л. Ганчиков.

P.S. Мои уроки в лицее идут хорошо. Меня пригласили в один из миланских частных лицеев, где и начинаю преподавать философию с будущей недели.

¹ Агостино Джемелли (1878-1959), священник, врач, основатель и ректор Католического университета в Милане.

² Имеется в виду статья «Умозрение и апокалипсис (Религиозная философия Вл. Соловьева)» // Современные записки. Париж 1927. Кн. 33.

³ Имеется в виду работа «Гефсиманская ночь (Философия Паскаля)» // Современные записки. Париж 1924. Кн. 19.

8.

[б.д.]

Христос Воскресе, глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

от всей души поздравляю Вас со Светлым Праздником Воскресения Христа. После того, что Вы захотели для меня сделать прошлым летом, ясно, что для меня Праздник Пасхи не может пройти без мысли о Вас.

Жаль, что о Вас последнее время ничего не слышно – ни я, ни d[on] Riboldi не имеем никаких вестей. Надеюсь, что все обстоит благополучно. Как здоровье Димы?

О себе мне нечего рассказать – по прежнему преподаю и немного работаю. Ожидаю вакаций, когда можно будет сосредоточиться лучше для преодоления многих возникших затруднений философского порядка.

Сегодня послал письмо Ольге Ал[ександровне]. О ней знаю мало: приехала как-то открытку с обещанием писать и снова замолчала.

Всякая весть о вас меня очень обрадует, самое маленькое Ваше слово будет для меня, как всегда, большим подарком.

Искренно преданный Леонид Ганчиков

9.

13-IX [1932]¹

Дорогой Вячеслав Иванович,

купил (хотя и не теряю надежды на экземпляр с Вашим автографом)² только что вышедшую «Переписку»; – сразу же прочел прекрасный этюд нашего гениального О. Deschartes'a³ – и поблелели мои размышления, обед-

нели линии уже вырисовывавшегося моего этюда – не знаю стоит ли теперь, после работы Ольги Ал[ександровны], думать об этом?

Во всяком случае, думаю, что будет очень хорошо написать маленькую статью для газеты – конечно, чисто информативного характера.

Сделать это мне тем более улыбается, что миланск[ий] катол[ический] журнал «Italia»⁴ давно и настойчиво просит у меня статей посвященных русской культуре.

Как только немного успокоюсь от свалившихся здесь на меня неприятностей и хлопот – осуществлю (если Вы не имеете возражений) это намерение. О большой статье подумаем потом.

Сейчас у меня очень неважно на душе – масса всяких неприятных новостей так ее затемнило, что чувствую почти физическую боль.

Приехал сюда 2-3 дня т[ому] назад с тоскою на сердце – нужно было как-то по новому устроиваться, искать квартиру, денег, новых уроков.

Все это очень угнетало, но все же не было беспросветно плохо.

И вдруг вчера получил известие, что один из моих лицеев (Calchi Taeggi) закрывается и, следовательно, уходит 3/5 (если не больше) моих скромных заработков. Теперь все окончательно спуталось – не знаю как буду жить эту зиму.

Главным образом делается боязно за возможность конкретно осуществить наметившиеся работы.

Все эти обстоятельства сейчас меня всего захватили и мешают работать и думать.

Боюсь, что не успею в сентябре окончить статью.

Так как, видимо, придется отложить мысль о новой поездке к Вам (идея Ольги Ал[ександровны]), то последует настоящим случаем, чтобы еще раз сказать Вам о моей искренней любви и бесконечном к Вам уважении.

Буду благодарен, если напишите два слова об articolo для «Италии» – газета серьезная, хотя (как и вся католическая печать) не очень распространенная.

Лучшие приветы и искренние пожелания Лидии Вячеславовне и Диме.

Еще раз искренно Ваш,

Л. Ганчиков

¹ На полях: не имею ничего с Вашим автографом. Простите небрежность этих строк. Пишу Вам дома.

² Ганчиков пишет о только что вышедшем переводе «Переписки из двух углов». Перевод: Venceslao Ivanov e M. O. Gherscenson, *Corrispondenza da un angolo all'altro*, traduzione dal russo di Olga Resnevic, riveduta da Venceslao Ivanov; introduzione di O. Deschartes, вышел в 1932 г. Следовательно письмо написано в 1932 г.

³ Псевдоним О. А. Шор.

⁴ Журнал, на самом деле ежедневная газета, был основан миланским епископом А. К. Феррари в 1912 г. Выходил до 1968 г., когда воссоединился с «L'avvenire d'Italia» в новую газету «Avvenire».

10.

Milano 30-VII [1934]

Дорогой Вячеслав Иванович,
сегодня утром я получил письмо от проф. Мавера,¹ из которого сообщаю Вам часть наиболее интересную:

копия 26-VII

Caro Professore,

In quanto al suo trasferimento – le cose si mettono piuttosto bene. Sono stato giorni fa al Ministero e ho avvertito l'impiegato interessato che tanto la cattedra di storia e filosofia di Orvieto (dove è stato trasferito il prof. Margheri) quanto quella di Velletri (assegnata al prof. Chaboz²) resteranno probabilmente scoperte. Quella di Margheri, perché incaricato alla Facoltà di Lettere a Roma e segretario dell'Acc[ademia] dei Lincei, - questa di Chaboz, perché questo "vincerà il concorso di Storia per Perugia e verrà chiesto in commando dall'Istituto Germanico a Roma. - Oggi poi è giunta a firma Giustini, la seguente lettera al m[inistro] Gentile... "in relazione alle vive premure che Ella mi ha rivolto a favore del prof. L.G. - mi è gradito assicurarLe che nel prossimo movimento suppletivo del personale impegnato sarà attentamente esaminata la possibilità di accontentare il predetto insegnante".

Debbo aggiungere, a scanso di equivoci, che da parte della Facoltà l'incarico del dottorato *sarebbe per un primo tempo gratuito*, non essendoci attualmente disponibilità di fondi per un nuovo incarico. In quanto alle spese che Lei dovrebbe sostenere per i viaggi di andata e ritorno da Roma a Velletri o Orvieto – non sono autorizzato a *garantirle* il loro risarcimento, ma d'altro lato non credo che da questo punto di vista (le spese non sarebbero troppo elevate) ci potrebbero essere per Lei delle sorprese sgradite. Si tratterà però quasi certamente *di rimborsi ad anno ultimato e non di anticipi*. In ogni caso La prego di scrivermi due righe dalle quali risulti che lei è stato informato da me su questo punto. Non occorre che Le aggiunga che di regola gli incarichi restano gratuiti solo per breve tempo e che alla prima disponibilità di fondi si passa alla retribuzione.

Il prof. Ivanov è ancora a Pavia? Sono già alcuni mesi che voglio scrivergli anche per ringraziarLo del *Convegno* e per rallegrarmi con lui – ma per una lettera quale la persona del destinatario, e l'occasione richiedono, mi è mancato finora il tempo. Se ha occasione gli trasmetta i miei saluti e ossequi. Cordialmente suo GM.

Из приведенного письма Вы видите, дор[огой] Вяч[еслав] Ив[анович], что наши с Вами трудности разрешаются довольно просто: коль дело не идет пока и платн[ое] место – для Вас оно видимо не представляет интереса; тем более, что в случае известной компенсации в будущем (неизвестно близко ли или далеко ли) она видимо не может быть иной как минимальной. Я лично принимаю это «incarico» (!) в таком малообещающем виде, потому что думаю, что оно может быть мне полезным и по соображениям карьеры в будущем (un titolo!) и по возможности с ним открывающегося укрепления в Риме и в Ун-те. Если бы впоследствии оказалось что ни первое, ни второе не оправдывается – мне никогда не будет поздно отказаться, а тем временем перевернусь в Рим (из Рима вообще куда хочу – ибо из Рима легче переводить) о чем мои коллеги и мечтать не могут.

Следовательно (на основе наших вчерашних решений) я пишу Маверу о моем согласии (но условно, оставляя за собой, если бы Вас в какой-либо мере устраивало..). Маверу уже я в своем письме написал о необходимости «trovare per Lei un lavoro giusto per poter guadagnare una somma anche piccola tanto per avere una base».

Маверу я написал о пересылке Вам копии вышеизл[оженного] письма.

Т[аким] обр[азом] теперь буду ждать от Вас письма и решения. Нужно ли повторять, что (без всякого «донкихотства»!) со всею искренностью и радостью я сделаю все, что вы найдете нужным и необходимым для себя. Я не думаю сейчас ни о чем другом, как о Вашем положении – но может быть будучи в Риме я смогу хотя бы скромно содействовать наилучшему разрешению Вашей проблемы (в крайнем случае хотя бы тем что буду в состоянии ее поставить и все по новому станет).

Очень буду Вам признателен за возможно немедленный ответ т[ак] к[ак] на этих днях думаю уехать в Ниццу – сегодня получил от брата письмо: он меня ожидает перв[ого] числа, я, конечно, не успею, но 2-3 думаю (если ничто не помешает) уехать.

Лучшие приветы Вам, Лидии Вячеславовне и Ольге Александровне от искренно Вас любящего

Л. Ганчикова.

P.S. Я написал очень осторожно Маверу о Вашей готовности одолжить книги барышне думавшей писать о Вас тезу.

P.P.S. Я решил ехать послезавтра утром – поэтому прошу Вас писать мне по адресу: villa «Копак» Chemin de Pessicart. Nice.

¹ Джованни Мавер (1891-1970) лингвист и филолог, славист. С 1929 по 1965 г. преподавал польскую литературу и славянскую филологию в Римском университете.

² В самом деле Federico Chabod (1901-1960), известный историк. Он получил место в университете Перуджи в 1934 г.

11.

29-IX [1934]

Дорогой Вячеслав Иванович,

шлю Вам сердечные поздравления с днем Вашего Ангела и желаю всего самого лучшего и светлого.

Эту неделю провожу в Милане, в субботу (если не последует новых распоряжений) возвращаюсь в Sondrio, т[ак] к[ак] школа начинается 1-го октября.

У duca G. Scotti¹ не был и не знаю удастся ли побывать.

С моим переводом дело обстоит как будто бы хорошо – проф. Мавер мне пишет что почти уверен что меня переведут в R. Liceo di Velletri.

Т[ак] к[ак] он уехал в Варшаву на конгресс слав[янской] филологии,² и сейчас, следовательно, за этим делом некому следить, то я все таки опять побиваюсь, как бы чего не случилось непредвиденного. Все должно выясниться в первых числах октября.

Если бы меня перевели, то очевидно мне придется поехать сразу же в Рим и едва ли удастся заехать в Павию. Буду Вас ждать в Риме.

Попросите Ольгу Александровну написать мне о Вас (чтобы не затруднять вас перепиской), о себе и немного о всем, что быть может мне интересно.

Привет Ольге Ал[ександровне], Лидии Вяч[еславовне] и Диме.

Искренно Вас любящий

Ваш Л. Ганчиков

P.S. Если Лидия Вячеславовна в Павии и может мне что либо посоветовать относительно комнатки на первое время – буду ей очень признателен. ЛГ.

¹ Имеется в виду литератор и политический деятель Томмазо Галларати Скотти (1878-1966). В Миланском архиве Т. Галларати Скотти сохранилось письмо Л.Я. Ганчикова, в котором выражается благодарность за книгу «Vita di Fogazzaro» (см.: *Archivio di Tommaso Gallarati Scotti*, a cura di Sara Mazzucchelli, в сайте www.russinitalia.it).

² Имеется ввиду Второй международный съезд славистов 1934 г.

12*

[1933]

Дорогой Вячеслав Иванович,

простите, что пишу на открытке, но хочется сегодня же отправить Вам сведения и результаты моих разговоров о возможности устройства здесь Вашей конференции.

Мне не удалось повидать дотт. Феррьеро¹ и т[ак] к[ак] я надеялся его увидеть сегодня, то вчера позвонил Кюфферле, чтобы выяснить у него обстановку дела. Кюфферле мне отсоветовал возбуждать этот вопрос теперь, т[ак] к[ак], по его словам, сезон в *Convegno* уже кончался и денег там абсолютно нет. Ему самому не удалось прочесть конференцию о Вас (!!!), ибо *Convegno* не смогло бы заплатить 100-200 лир, которые обычно составляют его гонорар. Так[им] обр[азом] мы решили отложить этот вопрос до осени, по крайней мере в отношении *Convegno*.² Я, однако, со своей стороны попробую (уже без разговора с Кюфферле) поговорить о возможности устроить Вашу конференцию в *Circolo Filologico*,³ где зал несравненно больше и публика шире, хотя и по проще, но зато посерьезнее. О результатах напишу Вам немедленно. Вчера получил от Лидии Вяч[еславовны] телеграмму с известием о благополучном исходе моего письменного испытания – чему не знаю быть ли довольным – т[ак] к[ак] к устному совсем не подготовлен. Скоро значит увижу Лид[ию] Вяч[еславовну]. Приветы Вам и Ольге Ал[ександровне]. Ваш Л.Г.

Ответил ли Н.И. Оттокар⁴? Иначе попрошу кого-нибудь здесь.

* Открытка: Al prof. V. Ivanov. Almo Collegio Borromeo, Pavia.

¹ Имеется в виду Энцо Ферриери (1896-1975), основатель литературного журнала «Il Convegno», вокруг которого он собрал культурный кружок.

² Название миланского журнала (1920-1939) и кружка.

³ Знаменитый культурный центр в Милане: Centro Filologico Milanese, основанный в 1872 г. В письме Л. Ганчикова к О. Шор от 12 [мая] 1933 читаем: «Получил ли Вяч. Ив. мою открытку? Пока из-за всех этих хлопот не удалось поговорить с представителями Circolo Filologico».

⁴ Н. П. Оттокар (1884-1957), историк, профессор Флорентийского университета. О нем и о его переписке с В. И. Ивановым см.: «Письма Н. П. Оттокара к Вяч. Иванову». Публ. и примеч. С. Гардзонио // Вестник истории, литературы, искусства / Гл. ред. Г. М. Бонгард-Левин. Т. 3. М.: Собрание; Наука, 2006. С. 511-531.

13*

2 V [1934]

Дорогой Вячеслав Иванович, искреннее и глубокое спасибо за Ваши помощь и участие, уже не в первый раз Вы мне помогаете духовно – сколько раз отвели меня от безнадежной тоски и действительно содействовали преодолению захватывавшего меня темного отчаяния. Как я Вам обязан и как мне хотелось бы чем-нибудь отблагодарить Вас, дор[огой] В[ячеслав] Ив[анович], за все, что Вы для меня сделали и делаете!

Искренно Вас любящий и преданный Л. Ганчиков

* Открытка: Prof. V. Ivanov. Collegio Borromeo, Pavia.

14*

22-XI [1934]

Простите, дорогой Вяч[еслав] Иванович, что не удалось мне забежать к Вам вечером – проститься. Вам и Лидии Вячеславовне мои лучшие мысли и сердечные пожелания. На будущей неделе наверное буду снова в Риме и тогда снова смогу Вас увидеть, а пока искренно Ваш. Л. Ганчиков

* Открытка: È per il prof. V. Ivanov presso Cav. Petrocchi in corso Umberto, 184a. Roma.

15*

1-II

Дорогой Вячеслав Иванович, написал Фламинго¹ письмо, но до сих пор не получил ответа; просил ее узнать мне адрес Дамиани.²

Я получил от Н. П. Оттокара письмо, в котором он выражает полную уверенность в соверш[енной] достаточности моих работ для lib[era] doc[enza]. Он любезно мне разрешил представить работы после 15 сент[ября], к какому сроку надеюсь окончить статью о Лермонтове.³

Министерство требует взноса денег (2000 лир) к 9-тому с[его] м[есяца] – не знаю как это удастся, но постараюсь сделать все возможное.

Оттавиани⁴ прислал мне вчера шесть экз[емпляров] корректуры, т[ак] к[ак] несколько заповздал с отд[ельными] оттисками. Но надеюсь и их сделать в полном порядке к этому же сроку.

Разрешите надеяться на Ваше согласие? – хотел было написать Дамиани, но не знаю его адреса. А как другие коллеги представили ли свои работы? Или тоже опаздывают? В Рим вернусь или в конце этой недели, если нужно будет хлопотать о деньгах, или в конце следующей. Надеюсь увидеть Вас в полном здоровье и благополучии. Искренно Ваш. Л. Ганчиков.

* Открытка: Prof. Vencislav Ivanov Roma. Via Gregoriana, 12 (int. 9)

¹ Прозвище О. А. Шор.

² Энрико Дамиани (1892-1953), известный славист, профессор в Риме и Неаполе, с 1928 по 1935 г. был преподаватель итальянского языка в Софии, потом библиотекарь нижней палаты итальянского парламента.

³ Имеется в виду статья «La religiosità di M. Lermontov». Roma: Istituto per l'Europa Orientale, 1936

⁴ Неустановленное лицо.

16*

3-VIII

Сердечные приветы Л.Ганчиков

* Открытка: Prof. Ivanov via Ugo Foscolo Italie Pavia

17*

Ponte di Legno 10 - VIII [1936]

Дорогой Вяч[еслав] Иванович, Вам, Лидии Вяч[еславовне] и Ольге Алекс[андровне] мои сердечные приветы – только что приехал сюда – здесь, конечно, не Швейцария, но все же довольно хорошо. Сколько времени задержусь здесь не знаю – пока не надоест – недели 2 – Писать мне нужно по прежнему на Милан via Goito, 5. Усиленно думаю о Лерм[онтове], но пока туманно.

Искренно Ваш Л. Ганчиков

* Открытка: prof. V. Ivanov. Corso Umberto, 184. Roma.

18*

[Pontedilegno, 14.8.36]

Дорогой Вяч[еслав] Ив[анович] – простите пожалуйста за беспокійство с телеграммой – дело было так: сюда кто знает почему не довозят газеты из Рима, а в «Cogn[iere] d[ella] S[era]» были помещены переводы лишь для Ломбардии – пришлось телеграфировать в Рим. Как жаль что меня не перевели – *между нами говоря* думаю, что Мавер не был достаточно энергичен – ну да ничего не поделаешь, придется сидеть в Орвьето что мне скучновато да и времени, и деньгам потеря. Попросите Фламинго выслать мне № «Messaggero» с переводами – кажется от прошл[ого] воскресенья. Искренно Ваш Л. Ганчиков. Приветы Ольге Ал[ександровне] и Лид[ии] Вяч[еславовне].

* Открытка: prof. V. Ivanov. Corso Umberto, 184. Roma.

19*

Pescara 5-VII [1937]

Дорогой Вяч[еслав] Иванович, шлю Вам, Фламинго и Лидии Вячеславовне приветы из Pescara куда попал неожиданно и завтра начну экзаменовывать будущих учителей и учительниц. Очень было жаль оставлять Ginett'u¹ – целый год не расставались. Искренно Ваш, Л. Ганчиков.

* Открытка: Ch.mo Sign. Prof. V.Ivanov. Via Rupe di Tarpea, 61. Roma

¹ Gina Zappalà, жена Л.Я. Ганчикова. Они поженились в Риме 15 июля 1926 г.

20*

[13.07.1937]

Теперь много лучше и очень хорошо Gina e L. Gancikoff

* Открытка из Пескары

21*

Глубокоув[ажаемый] и дор[огой] Вяч[еслав] Ив[анович]
С мыслями о Вас посетили Св. Авг. Л. Ганчиков
Апантетически¹ Ваш Фламинго
31-VIII «Ликота² приветствует нежно.....»
Л. Ганчиков

¹ Имеется в виду *апантема*, т.е. встреча в высоком экзистенциальном уровне. Формула регулярно употреблялась О.А. Шор и В.И. Ивановым с 1928 г.

² Прозвище В.И. Иванова. Ср. Грек А. Г. Словесная игра как творчество (по материалам писем Вяч. Иванова к О. Шор) // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. Москва 2006. С. 270.

ПИСЬМА В.И. ИВАНОВА К Л.Я. ГАНЧИКОВУ

1.

13 июня '32

Дорогой Леонид Яковлевич,

Думаю, что визит в Tradate следует отложить до будущего акад[емического] года, так как теперь в страдную экзаменную пору всем педагогам не до того, день же *scrutinio* и без того трудный и переполненный день, а потом тотчас же всем и разъезжаться. Решительно, теперь не время об этом думать, – каковое мое мнение (впрочем, только мнение) Вы и доложите уважаемому ректору вместе с выражением моего почтения и признательности за любезное приглашение и с сердечным приветом от Don Rinaldo Nascimbene¹ (который в этот период времени приехать бы никак не мог).

Благодарю Вас за присылку статьи о гегелианстве в России.² Она очень интересна, хотя написана еще как будто робко и неуверенно (по тону и манере, – не по содержанию). Мне было любопытно узнать, как собственно рассуждали наши старинные гегелианцы. Особенно любопытно приложение и самая суть мыслей Бакунина. Но я считаю недостатком, что Вы не даете полной характеристики воззрений Белинского, Бакунина, Герцена и даже Чичерина как теоретика права и государства, ограничиваясь их подготовительным, по Вашему мнению собственно гегелианским, периодам. Между тем любопытны именно последние «левые» выводы из гегелианства у наших отрицателей и нигилистов. И итальянский читатель ничего не узнает из ста-

тьи не только о характерном пра-большевизме Белинского и о романтическом революционаризме Герцена, исторически ему, т.е. итальянскому читателю, столь близких, но даже о Бакуanine, которого ценят и знают, несмотря на его огромное значение в истории субверсивных идей, и не видят в нем одного из характернейших представителей нашего разрушительного воздействия на европейскую культуру, забывая что еще до Толстого и Ленина мы, русские, уже были отравителями. Так Вы уменьшаете нашу преступную славу, и вообще выходит, что и гегелианству, как и другим вещам, мы в свое время учились кое-как и без настоящего проку. Между тем Ваша тема была более значительна, чем это на первый взгляд кажется. Ведь Бруно Бауер и Фейербах[,] Маркс и Ленин – все же гегелианство, хотя гегелианские профессора в Германии и в Италии и готовы это отрицать.

Обнимаю Вас со всею любовью. Ваш Вяч. Иванов

¹ Ринальдо Нашимбене, священник, библиист. Был ректором колледжо Борромео с 1928 по 1939 гг.

² Имеется в виду статья Л. Я. Ганчикова «L'hegelismo in Russia» // Hegel nel centenario della sua morte (supplemento speciale alla "Rivista di filosofia neo-scolastica" 1931), Milano 1931.

2.

L'Assunta sul Renon
25, casa Zallinger
SopraBolzano
15 сентября '32

Дорогой друг,
Леонид Яковлевич,

Весьма огорчило и встревожило меня Ваше сообщение о расстройстве Ваших миланских дел и о Вашем удрученном состоянии духа от такой невзгоды, и обидна беспомощность Вам как-либо оказаться полезным. Хочется думать что эта временная заминка, при изобилии потенциальных ресурсов, которыми Вы располагаете, уладится: только бы Ваша существенная, философская работа от этого не потерпела ущерба.

Из Вашего милого, но столь огорчительного письма узнал я о выходе «Переписки»¹ и весьма обрадовался этим фактом, не столько за себя, сколько за Фламинго, этуод которой высоко ценю, и мне очень приятно, что он вышел из-под спуда.

Вашей же статьи, большой, буду ждать с нетерпением, и считаю Вас принявшим на себя моральное обязательство (да!) ее написать. Что же до предварительной статейки в Italia, очень благодарю Вас за это намерение, спешное исполнение коего для меня высоко ценно и крайне желательно, так что я просил бы Вас не замедлить оказать мне этим большую дружескую помощь.

Подумайте, нельзя ли добыть для меня указанные p[adre]Riboldi книжки, список которых Вы взяли, особенно первую по списку.

Сердечный привет и пожелания от всех нас. Обнимаю Вас дружески и с любовью

Ваш Вяч Иванов

¹ Имеется в виду издание V. Ivanov, M. O. Gherscenson. *Corrispondenza da un angolo all'altro*. Traduzione di Olga Resnevic, riveduta da Venceslao Ivanov, introduzione di O. Deschartes, Lanciano 1932. По этому поводу. Л. Ганчиков писал к О. Шор 14 сентября 1932 г.: «Дорогая Ольга Алекс[андровна], получил сегодня из Fergière Вашу открытку. К сожалению, не могу поехать в Больцано, т. к. потерял место и теперь занят хлопотами о хлебе насущном. Вышла в свет переписка с вашим прекрасным очерком. Лучшие поздравления. О ней (об статье *nrзб*) и о целом ряде других очень важных дел мне бы очень хотелось поговорить с Вами. Устройте так чтобы жить несколько часов в Милане и постарайтесь сообщить мне *заранее* о своем приезде. Я очень занят и часами бываю вне дома. Искренно Ваш ЛГ».

Павия 20-е гг. Слева О. А. Шор, Л. Я. Ганчиков, Л. В. Иванова, Д. В. Иванов, Дон Леопольдо Рибольди, В. И. Иванов

3.

Дорогой Леонид Яковлевич,

Посылаю Giov[anni] Gentile письмо, ниже текстуально сообщаемое.¹ Маверу писать лень, да и не зачем: уверять его в том что Вы для них находка, все равно, что таскать воду в море, уголь в Нью-Касл (как говорят англичане) или сов в Афины (как выражаются пушкинисты) – столь преисполнен он сам наилучших к Вам чувств.

А что я писал Gentile, лучше, быть может, довести до его сведения. Если нельзя устроить окончательный переход в один из римских лицеев, Вы ведь можете получить командировку в Рим для временного, на первых порах, замещения какой-нибудь лицейской кафедры в римском округе. Ну, да эти дела Вы лучше меня знаете. Но если Вы желаете чтобы я все же написал Маверу (с кот[орым] я в самых лучших отношениях), а также если Вам нужно немедленно получить мой денежный долг, напишите мне espresso. Боюсь только что Рим удалит Вас от существенно нужного для Вас постоянного общения с Università Cattolica... а, может быть, и вообще от философии (не дай Бог). Лидия все еще на via Auropa 39, хот и в другой квартире; но хочет ехать в Павию в ближайшие дни. Дима же – citoyen français! Фл[аминго] приезжает из Cagliari сюда числа 23. Дружески Вас обнимаю и желаю всем сердцем счастливого устройства Ваших дел и внутреннего света, внутреннего мира. Ваш Вяч[еслав] Ив [анов].

О Вашей статье в Convegno² пишет мне из Sanremo Е.Ю. Григорович,³ что она думает об искусстве, как у Вас изложено, но не понимает идею «Иосифа» (т.е. что художник теург явственно был подобен Иосифу), и что заключительное возражение мне в статье Вашей всецело разделяет.

PS. Копия письма:

Eccellenza,

La felice circostanza d'aver avuto un anno fa l'onore di esserLe presentato al pranzo offertoLe in questo almo Collegio, mi dà il coraggio di rivolgermi a Lei direttamente: non che io creda che Ella si ricordi ancora del vecchio commensale di quella sera; bensì quale scrittore russo, a cui non possono pertanto essere indifferenti i destini dell'insegnamento di lingua e letteratura russa nelle università d'Italia, mi riferisco al fatto di codesta presentazione per appoggiare colla mia testimonianza la sollecitazione del Prof. Giovanni Maver in favore del Dott. Leonida Gancikoff, professore di filosofia nel R. Liceo di Sondrio.

Se l'incarico dell'ateneo romano richiede che l'incaricato sia un vero rappresentante non solo della pura tradizione linguistica ma anche di quella intellettuale e spirituale del suo paese natio e che a base dell'insegnamento storico-letterario siano posti, oltre alla conoscenza viva, immediata, sentita dell'argomento, anche il metodo filologico e un originale pensiero dialettico, - attesto che siffatte qualità si trovano pienamente riunite nella persona di questo ancora giovane profugo russo, ora naturalizzato nella sua seconda patria, uomo di carattere elevato, d'ingegno e di profonda cultura filosofica.

Gradisca, illustre Senatore, i miei più distinti ossequi

V.I.

Prof. Incaricato nella R. Univ. di Pavia

¹ В римском архиве В. И. Иванова хранится ответ Дж. Джентиле на это письмо (Cartella 14. Gentile Giovanni s.l., luglio 1934). В письме Джентиле пишет, что пока ничего нового не может сообщить о переводе Ганчикова в лицей под Римом, но подтверждает свою поддержку и добавляет: «di una cosa soltanto posso assicurarLa: che, sia per l'importanza della materia, sia per le qualità eminenti del candidato, questo trasferimento sta molto a cuore a me, al prof. Maver e a tutta la Facoltà, che nella sua ultima seduta ha emesso un voto perché il Ministero, se possibile, avvicini a Roma il prof. Gancikoff».

² Имеется в виду статья L. Gancikoff «A realioribus ad realia» // Il Convegno 1934. № 8-12 (dedicato a V. Ivanov).

³ Елена Юстиниановна Рыбачкова-Григорович (1872-1953), художница и переводчица. О ней см. в сайте www.russinitalia.it.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

1. ПИСЬМО О. А. ШОР К Л. Я. ГАНЧИКОВУ

6 июня 1932

Дорогой Леонид Яковлевич,

Пишу Вам по поручению Вячеслава Ивановича; он просит передать Вам, что к сожалению на этой неделе никак не сможет посетить Tradate. Завтра к нему приезжает гость и пребудет 2-3 дня, а в пятницу у него экзамен. Нашинбене тоже теперь сильно занят. В.И. просит отложить поездку до будущей недели.

Жаль, что Вы рано уехали и мы не успели поговорить.

Всего Вам хорошего.

До свидания, надеюсь, до скорого.

Искренне преданная О. Шор

Spedisce Olga Chor, Albergo Gambarana, Pavia

2. ПИСЬМО Д. НОРБЕРТО ПЕРИНА К МОНСИНЬОРУ НАШИНБЕНЕ

Ill.mo e Rev.mo Monsignore,

Finalmente mandiamo ad effettuazione l'intesa già fatta per Lei e per il Prof. Ivanov dal Prof. Gancikoff: lunedì g. 20 avremo il piacere di vederli a Tradate.

Spero che sia per loro un giorno propizio. Noi l'abbiamo scelto, perché in tal giorno ci sarà lo scrutinio finale, ed è una delle poche occasioni in cui sono raccolti tutti i Professori: tutti saranno ben lieti di conoscerli.

Dei giovani alunni non ci sarà qui il 4° corso, in attesa della maturità e dell'abilitazione tecnica. Faremo in modo che verso le 10 del mattino ci sia una macchina al Collegio Borromeo per Lei e per il Prof. Ivanov. Per Milano si faranno condurre a Tradate (sulla provinciale Saronno-Varese) così da arrivare qui verso le 11.30. A mezzogiorno faremo colazione, poi occuperemo bene il pomeriggio.

Sarà per noi un gran piacere, del quale già fin d'ora Li ringraziamo.

Tempo fa avevamo invitato anche D. Angelini, e ne avevamo avuto buone promesse: se Lei fosse in relazione e potesse condurcelo insieme, ne saremmo contentissimi.

Mi ossequi intanto il Prof. Ivanov, a cui non posso scrivere perché non so esattamente il suo indirizzo, e mi creda

dev.mo suo D. Norberto Perina

Rettore Collegio [нрзб]

Tradate 15-6-32

3. ПИСЬМО Л.Я. ГАНЧИКОВА К ДЖ. ПАПИНИ

Firenze, 21 VII [1949]

Illustre Maestro,

Venceslao Ivanov si è spento il sabato 17 c.m. – il nostro dolore è inesprimibile.

Se Ella volesse scrivere qualche cosa per significare la morte di questo nostro grande amico, i suoi figli ed io, che L'amavo tanto e tanto Gli devo, Le saremmo molto riconoscenti.

Se poi Ella volesse concedermi qualche minuto per parlare di Lui – mi troverà sino alla fine del mese tutte le mattine all'Istituto Magistrale "Pascoli", dove presiedo la 2ª commissione d'abilitazione.

Le sono in anticipo grato di tutto ciò che vorrà fare e La prego di gradire i sentimenti della mia più alta e sincera stima.

L. Gancikoff